

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44
Г58

Гоголь, Николай Васильевич.

Г58 Вечера на хуторе близ Диканьки / Николай Гоголь ; иллюстрации Виктора Королькова. — Москва : Эксмо, 2024. — 268 с. : ил.

ISBN 978-5-04-174094-8

Сборник «Вечера на хуторе близ Диканьки» стал первой широко известной книгой Н. В. Гоголя и принёс своему автору заслуженную славу. Восемь рассказов, построенных на основе малороссийских преданий, сказок и шуток, проиллюстрированы известным русским художником Виктором Корольковым, сохранившим и подчеркнувшим неповторимый колорит гоголевского шедевра.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

ISBN 978-5-04-174094-8

© В. Корольков, наследники, иллюстрации, 2024
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Часть
первая

ПРЕДИСЛОВИЕ

«**Э**то что за невидалъ: «*Вечера на хуторе близ Диканьки*»? Что это за «Вечера»? И швырнул в свет какой-то пасичник! Слава Богу! Ещё «мало ободрали гусей на перья и извели тряпья на бумагу! Ещё мало народу, всякого звания и сброду, вымарали пальцы в чернилах! Дёрнула же охота и пасичника потащиться вслед за другими! Право, печатной бумаги развелось столько, что не придумаешь скоро, что бы такое завернуть в неё».

Слышало, слышало вещее моё все эти речи ещё за месяц! То есть я говорю, что нашему брату, хуторянину, высунуть нос из своего захолустья в большой свет — батюшки мои! — это всё равно как, случается, иногда зайдёшь в покой великого пана: все обступят тебя и пойдут дурачить. Ещё бы ничего, пусть уже высшее лакейство, нет, какой-нибудь оборвавшийся мальчишка, посмотреть — дрянь, который копается на заднем дворе, и тот пристанет; и начнут со всех сторон притопывать ногами. «Куда, куда, зачем? пошёл, мужик, пошёл!..» Я вам скажу... Да что говорить! Мне легче два раза в год съездить в Миргород, в котором вот уже пять лет как не видал меня ни подсудок из земского суда, ни почтенный иерей, чем показаться в этот великий свет. А показался — плачь не плачь, давай ответ.

У нас, мои любезные читатели, не во гнев будь сказано (вы, может быть, и рассердитесь, что пасичник говорит вам запросто,

как будто какому-нибудь свату своему или куму), — у нас, на хуторах, водится издавна: как только окончатся работы в поле, мужик залезет отдохать на всю зиму на печь, и наш брат припрятет своих пчёл в тёмный погреб, когда ни журавлей на небе, ни груш на дереве не увидите более, тогда, только вечер, уже наверно где-нибудь в конце улицы брезжит огонёк, смех и песни слышатся издалеча, бренчит балалайка, а подчас и скрипка, говор, шум... Это у нас *вечерницы*! Они, изволите видеть, они похожи на ваши балы; только нельзя сказать, чтобы совсем. На балы если вы едете, то именно для того, чтобы повернуть ногами и позевать в руку; а у нас собирается в одну хату толпа девушек совсем не для балу, с веретеном, с гребнями; и сначала будто и делом займутся: веретёна шумят, лются песни, и каждая не подымет и глаз в сторону; но только нагрянут в хату пяртки с скрипачом — подымется крик, затеется шаль, дойдут танцы и заведутся такие штуки, что и рассказать нельзя.

Но лучше всего, когда собираются все в тесную кучку и пустятся загадывать загадки или просто нести болтовню. Боже ты мой! Чего только не расскажут! Откуда старины не выкопают! Каких страхов не нанесут! Но нигде, может быть, не было рассказываемо столько диковин, как на вечерах у пасичника Рудого Панька. За что меня миляне прозвали Рудым Паньком — ей-богу, не умею сказать. И волосы, кажется, у меня теперь более седые, чем рыжие. Но у нас, не извольте гневаться, такой обычай: как дадут кому люди какое прозвище, то и во веки веков останется оно. Бывало, собираются, накануне праздничного дня, добрые люди в гости, в пасичникову лачужку, усядутся за стол — и тогда прошу только слушать. И то сказать, что люди были вовсе не простого десятка, не какие-нибудь мужики хуторянские. Да, может, иному и повыше пасичника сделали бы честь посещением. Вот, например, знаете ли вы дьяка диканьской церкви, Фому Григорьевича? Эх, голова! Что за истории умел он отпускать! Две из них найдёте в этой книжке. Он никогда не носил пестрядёвого халата, какой встретите вы на многих деревенских дьячках; но заходите к нему и в будни, он вас всегда примет в тонком суконном балахоне, цвету застуженного картофельного

киселя, за которое платил он в Полтаве чуть не по шести рублей за аршин. От сапог его, у нас никто не скажет на целом хуторе, чтобы слышен был запах дёгтя; но вся кому известно, что он чистил их самым лучшим смальцем, какого, думаю, с радостью иной мужик положил бы себе в кашу. Никто не скажет также, чтобы он когда-либо утирал нос полою своего балахона, как то делают иные люди его звания; но вынимал из пазухи опрятно сложенный белый платок, вышитый по всем краям красными нитками, и, исправивши что следует, складывал его снова, по обыкновению, в двенадцатую долю, и прятал в пазуху. А один из гостей... Ну, тот уже был такой панич, что хоть сейчас нарядить в заседатели или подкомории. Бывало, поставит перед собою палец и, глядя на конец его, пойдёт рассказывать — вычурно да хитро, как в печатных книжках! Иной раз слушаешь, слушаешь, да и раздумье нападёт. Ничего, хоть убей, не понимаешь. Откуда он слов понабрался таких! Фома Григорьевич раз ему насчёт этого славную сплёт присказку: он рассказал ему, как один школьник, учившийся у какого-то дьяка грамоте, приехал к отцу и стал таким латынщиком, что позабыл даже наш язык православный. Все слова сворачивает на -ус. Лопата у него лопатус; баба — бабус. Вот, случилось раз, пошли они вместе с отцом в поле. Латынщик увидел грабли и спрашивает отца: «Как это, батьку, по-вашему называется?» Да и наступил, разинувши рот, ногою на зубцы. Тот не успел собраться с ответом, как ручка, размахнувшись, поднялась и — хвать его по лбу. «Проклятые грабли! — закричал школьник, ухватясь рукою за лоб и подскочивши на аршин. — Как же они, чёрт бы спихнул с мосту отца их, больно бывают!» Так вот как! Припомнил и имя, голубчик! Такая присказка не по душе пришлась затейливому рассказчику. Не говоря ни слова, встал он с места, расставил ноги свои посереди комнаты, нагнул голову немного вперёд, засунул руку в задний карман горохового кафана своего, вытащил круглую под лаком табакерку, щёлкнул пальцем по намалёванной роже какого-то бусурманского генерала и, захвативши немалую порцию табаку, растёртого с золою и листьями любистка, поднёс её коромыслом к носу и вытянул носом на лету всю кучку,

не дотронувшись даже до большого пальца. И всё ни слова. Да как полез в другой карман и вынул синий в клетках бумажный платок, тогда только проворчал про себя чуть ли ещё не поговорку: «Не мечите бисера перед свиньями». «Быть же теперь скоре», — подумал я, заметив, что пальцы у Фомы Григорьевича так и складывались дать дулю. К счастью, старуха моя догадалась поставить на стол горячий книш с маслом. Все принялись за дело. Рука Фомы Григорьевича, вместо того чтобы показать шиш, протянулась к книшу, и, как всегда водится, начали прихваливать мастерицу хозяйку. Ещё был у нас один рассказчик; но тот (нечего бы к ночи и вспоминать о нём) такие выкапывал страшные истории, что волосы ходили по голове. Я нарочно и не помещал их сюда: ещё напугаешь добрых людей так, что пасичника, прости Господи, как чёрта все станут бояться. Пусть лучше, как доживу, если даст Бог, до нового года и выпущу другую книжку, тогда можно будет постращать выходцами с того света и дивами, какие творились в старину в православной стороне нашей. Меж ними, статья может, найдёте побасенки самого пасичника, какие рассказывал он своим внукам. Лишь бы слушали да читали, а у меня, пожалуй, лень только проклятая ртысь, наберётся и на десять таких книжек.

Да, вот было и позабыл самое главное: как будете, господа, ехать ко мне, то прямёхонько берите путь по столбовой дороге на Диканьку. Я нарочно и выставил её на первом листке, чтобы скорее добрались до нашего хутора. Про Диканьку же, думаю, вы наслушались вдоволь. И то сказать, что там дом почище какого-нибудь пасичникова куреня. А про сад и говорить нечего: в Петербурге вашем, верно, не сыщете такого. Приехавши же в Диканьку, спросите только первого попавшегося навстречу мальчишку, пасущего в зачаканной рубашке гусей: «А где живёт пасичник Рудый Панько?» «А вот там!» — скажет он, указавши пальцем, и, если хотите, доведёт вас до самого хутора. Прошу, однако ж, не слишком закладывать назад руки и, как говорится, финтить, потому что дороги по хуторам нашим не так гладки, как перед вашими хоромами. Фома Григорьевич третьего году, приезжая из Диканьки, понаведался-таки

в провал с новою таратайкою своею и гнедою кобылою, несмотря на то что сам правил и что сверх своих глаз надевал по временам ещё покупные.

Зато уже как пожалуете в гости, то дынь подадим таких, каких вы отроду, может быть, не ели; а мёду, и забожусь, лучшего не сыщете на хуторах. Представьте себе, что как внесёшь сот — дух пойдёт по всей комнате, вообразить нельзя, какой: чист, как слеза или хрусталь дорогой, что бывает в серьгах. А какими пирогами накормит моя старуха! Что то за пироги, если б вы только знали: сахар, совершенный сахар! А масло, так вот и течёт по губам, когда начнёшь есть. Подумаешь, право: на что не мастерицы эти бабы! Пили ли вы когда-либо, господа, грушевый квас с терновыми ягодами или варенуху с изюмом и сливами? Или не случалось ли вам подчас есть пурпур с молоком? Боже ты мой, каких на свете нет кушаньев! Станешь есть — объяденье, да и полно. Сладость неописанная! Прошлого года... Однако ж, что я в самом деле разболтался?.. Приезжайте только, приезжайте поскорей; а накормим так, что будете рассказывать и встречному и поперечному.

Пасичник Рудый Панько

На всякий случай, чтобы не помянули меня недобрыйм словом, выписываю сюда, по азбучному порядку, те слова, которые в книжке этой не всякому понятны.

Банду́ра	инструмент, род гитары.
Бато́г	кнут.
Боля́чка	золотуха.
Бондарь	бочаръ.
Бублик	круглый крендель, барабанчик.
Буря́к	свёкла.
Буханéц	небольшой хлеб.

Вінница	винокурня.
Галу́шки	клёцки.
Голодра́бец	бедняк, бобыль.
Гопáк, горлица	малороссийские танцы.
Дівчина	девушка.
Дивчáта	девушки.
Дижá	кадка.
Дрибúшки	мелкие косы.
Домовíна	гроб.
Дúля	шиши.
Дукáт	род медали, носится на шее.
Знáхор	многознающий, ворожея.
Жýнка	жена.
Жупáн	род кафтана.
Каганéц	род светильни.
Клéпки	выпуклые дощечки, из коих составлена бочка.
Книш	род печёного хлеба.
Кóбза	музыкальный инструмент.
Комóра	анбар.
Корáблик	головной убор.
Кунтúш	верхнее стаинное платье.
Коровáй	свадебный хлеб.
Кúхоль	глиняная кружка.
Лы́сый дýдько	домовой, демон.
Люлька	трубка.
Макítра	горшок, в котором трут мак.
Макогóн	пест для растифания маку.
Малахáй	плеть.
Мýска	деревянная тарелка.
Молоди́ца	замужняя женщина.
Нáймыт	нанятой работник.
Нáймычка	нанятая работница.
Оселéдец	длинный клок волос на голове, заматывающийся на ухо.

Очíпок	<i>род чепца.</i>
Пампúшки	<i>кушанье из теста.</i>
Пáсичник	<i>пчеловод.</i>
Пáрубóк	<i>парень.</i>
Плáхта	<i>нижняя одежда женщин.</i>
Пéкло	<i>ад.</i>
Перéкупка	<i>торговка.</i>
Переполóх	<i>испуг.</i>
Пéйсики	<i>жидовские локоны.</i>
Повéтка	<i>сарай.</i>
Полутабéнек	<i>шелковая материя.</i>
Пúтря	<i>кушанье, род каши.</i>
Рушníк	<i>утиральник.</i>
Свítка	<i>род полукафтанья.</i>
Синдя́чки	<i>узкие ленты.</i>
Сластёны	<i>пышки.</i>
Свóлок	<i>перекладина под потолком.</i>
Сливýнка	<i>наливка из слив.</i>
Смúшки	<i>бараний мех.</i>
Сóняшница	<i>боль в животе.</i>
Сопíлка	<i>род флейты.</i>
Стусáн	<i>кулак.</i>
Стри́чки	<i>ленты.</i>
Тройчáтка	<i>тройная плеть.</i>
Хлóпец	<i>парень.</i>
Хýтор	<i>небольшая деревушка.</i>
Хýстка	<i>платок носовой.</i>
Цибóля	<i>лук.</i>
Чумакí	<i>обозники, едущие в Крым за солью и рыбой.</i>
Чупрíна, чуб	<i>длинный клок волос на голове.</i>
Шíшка	<i>небольшой хлеб, делаемый на свадьбах.</i>
Юшка	<i>соус, жижжа.</i>
Ятка	<i>род палатки или шатра.</i>

СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА

I

Мені нудно в хаті жити.

Ой вези ж мене із дому,

Де багацько грому, грому,

Де гопцють все дівки,

Де гуляють парубки!

Із старинної легенди

Как упоителен, как роскошен летний день в Малороссии! Как томительно-жарки те часы, когда полдень блещет в тишине и зное, и голубой неизмеримый океан, сладострастным куполом нагнувшись над землёю, кажется, заснул, весь потонувши в неге, обнимая и сжимая прекрасную в воздушных объятиях своих! На нём ни облака. В поле ни речи. Всё как будто умерло; вверху только, в небесной глубине, дрожит жаворонок, и серебряные песни летят по воздушным ступеням на влюблённую землю, да изредка крик чайки или звонкий голос перепела отдаётся в степи. Лениво и бездумно, будто гуляющие без цели, стоят подоблачные дубы, и ослепительные удары солнечных лучей зажигают целые живописные массы листьев, накидывая на другие тёмную как ночь тень, по которой только при сильном ветре прыщет золото. Изумруды, топазы, яхонты эфирных насекомых сыплются над пёстрыми огородами, осенямыми статными подсолнечниками. Серые стога сена и золотые снопы хлеба станом располагаются в поле и кочуют по его неизмеримости. Нагнувшись от тяжести плодов широкие ветви черешен, слив, яблонь, груш; небо, его чистое зеркало — река в зелёных, гордо поднятых рамках... как полно сладострастия и неги малороссийское лето!

Такою роскошью блистал один из дней жаркого августа тысячу восемьсот... восемьсот... Да, лет тридцать будет назад тому, когда

дорога, вёрст за десять до местечка Сорочинец, кипела народом, поспешавшим со всех окрестных и дальних хуторов на ярмарку. С утра ещё тянулись нескончаемою вереницею чумаки с солью и рыбой. Горы горшков, закутанных в сено, медленно двигались, кажется, скучая своим заключением и темнотою; местами только какая-нибудь расписанная ярко миска или макитра хвастливо выказывалась из высоко взгромождённого на возу плетня и привлекала умилённые взгляды поклонников роскоши. Много прохожих поглядывало с завистью на высокого гончара, владельца сих драгоценностей, который медленными шагами шёл за своим товаром, заботливо окутывая глиняных своих щёголей и кокеток ненавистным для них сеном.

Одиноко в стороне тащился на истомлённых волах воз, наваленный мешками, пенькою, полотном и разною домашнею поклажею, за которым брёл, в чистой полотняной рубашке и запачканных полотняных шароварах, его хозяин. Ленивою рукой обтирали он катившийся градом пот со смуглого лица и даже капавший с длинных усов, напудренных тем неумолимым парикмахером, который без зову является и к красавице, и к уроду и насильно пудрит несколько тысяч уже лет весь род человеческий. Рядом с ним шла привязанная к возу кобыла, смиренный вид которой обличал преклонные лёта её. Много встречных, и особливо молодых парубков, брались за шапку, поравнявшись с нашим мужиком. Однако ж не седые усы и не важная поступь его заставляли это делать; стоило только поднять глаза немногого вверх, чтобы увидеть причину такой почтительности: на возу сидела хорошенъкая дочка с круглым лицом, с чёрными бровями, ровными дугами поднявшимися над светлыми карими глазами, с беспечно улыбавшимися розовыми губками, с повязанными на голове красными и синими лентами, которые, вместе с длинными косами и пучком полевых цветов, богатою короною покоились на её очаровательной головке. Всё, казалось, занимало её; всё было ей чудно, ново... и хорошенъкие глазки беспрестанно бегали с одного предмета на другой. Как не рассеяться! В первый раз на ярмарке! Девушка в осьмнадцать лет в первый раз на ярмарке!.. Но ни один из прохожих и проезжих не знал, чего ей стоило

упросить отца взять с собою, который и душою рад бы был это сделать прежде, если бы не злая мачеха, выучившаяся держать его в руках так же ловко, как он вожжи своей старой кобылы, тащившейся, за долгое служение, теперь на продажу. Неугомонная супруга... Но мы и позабыли, что и она тут же сидела на высоте воза, в нарядной шерстяной зелёной кофте, по которой, будто по горностаевому меху, нашиты были хвостики, красного только цвета, в богатой плахте, пестревшей, как шахматная доска, и в ситцевом цветном очипке, придававшем какую-то особенную важность её красному, полному лицу, по которому проскальзывало что-то столь неприятное, столь дикое, что каждый тотчас спешил перенести встревоженный взгляд свой на весёленькое лицико дочки.

Глазам наших путешественников начал уже открываться Псёл; издали уже веяло прохладою, которая казалась ощущительнее после томительного, разрушающего жара. Сквозь тёмно- и светло-зелёные листья небрежно раскиданных по лугу осокоров, берёз и тополей засверкали огненные, одетые холдом искры, и река-красавица блистательно обнажила серебряную грудь свою, на которую роскошно падали зелёные кудри дерев. Своенравная, как она в те упоительные часы, когда верное зеркало так завидно заключает в себе её полное гордости и ослепительного блеска чело, лилейные плечи и мраморную шею, осенённую темною, упавшую с русой головы волною, когда с презрением кидает одни украшения, чтобы заменить их другими, и капризам её конца нет, — она почти каждый год переменяла свои окрестности, выбирая себе новый путь и окружая себя новыми, разнообразными ландшафтами. Ряды мельниц подымали на тяжёлые колёса свои широкие волны и мощно кидали их, разбивая в брызги, обсыпая пылью и обдавая шумом окрестность. Воз со знакомыми нам пассажирами взъехал в это время на мост, и река во всей красоте и величии, как цельное стекло, раскинулась перед ними. Небо, зелёные и синие леса, люди, возы с горшками, мельницы — всё опрокинулось, стояло и ходило вверх ногами, не падая в голубую прекрасную бездну. Красавица наша задумалась, глядя на роскошь вида, и позабыла даже лущить свой

подсолнечник, которым исправно занималась во всё продолжение пути, как вдруг слова «ай да дивчина!» поразили слух её. Оглянувшись, увидела она толпу стоявших на мосту парубков, из которых один, одетый пощеголеватее прочих, в белой свитке и в серой шапке решетиловских смушек, подёршись в бока, молодецки поглядывал на проезжающих. Красавица не могла не заметить его загоревшего, но исполненного приятности лица и огненных очей, казалось, стремившихся видеть её насквозь, и потупила глаза при мысли, что, может быть, ему принадлежало произнесённое слово.

— Славная дивчина! — продолжал парубок в белой свитке, не сводя с неё глаз. — Я бы отдал все своё хозяйство, чтобы поцеловать её. А вот впереди и дьявол сидит!

Хохот поднялся со всех сторон; но разряженной сожительнице медленно выступавшего супруга не слишком показалось такое приветствие: красные щеки её превратились в огненные, и треск отборных слов посыпался дождём на голову разгульного парубка:

— Чтоб ты подавился, негодный бурлак! Чтоб твоего отца горшком в голову стукнуло! Чтоб он подскользнулся на льду, антихрист проклятый! Чтоб ему на том свете чёрт бороду обжёг!

— Виши, как ругается! — сказал парубок, вытаращив на неё глаза, как будто озадаченный таким сильным залпом неожиданных приветствий. — И язык у неё, у столетней ведьмы, не заболит выговорить эти слова.

— Столетней! — подхватила пожилая красавица. — Нечестивец! Поди, умойся наперёд! Сорванец негодный! Я не видала твоей матери, но знаю, что дрянь! И отец дрянь! И тётка дрянь! Столетней! Что у него молоко ещё на губах...

Тут воз начал спускаться с мосту, и последних слов уже невозможно было расслушать; но парубок не хотел, кажется, кончить этим: не думая долго, схватил он комок грязи и швырнул вслед за нею. Удар был удачнее, нежели можно было предполагать: весь новый ситцевый очипок забрызган был грязью, и хохот разгульных повес удвоился с новою силой. Дородная щеголиха вскипела гневом; но воз отъехал в это время довольно далеко, и месть

её обратилась на безвинную падчерицу и медленного сожителя, который, привыкнув издавна к подобным явлениям, сохранял упорное молчание и хладнокровно принимал мятежные речи разгневанной супруги. Однако ж несмотря на это, неутомимый язык её трещал и болтался во рту до тех пор, пока не приехали они в пригородье к старому знакомому и куму, козаку Цыбуле. Встреча с кумовьями, давно не видавшимися, выгнала на время из головы это неприятное происшествие, заставив наших путешественников поговорить об ярмарке и отдохнуть немного после дальнего пути.

II

Що, боже ти мій, господи! Чого нема на тій ярмарці! Колёса, скло, дъоготь, тютюн, ремінь, цибуля, крамарі всяки... так, що хоть би в кишені було рублів із тридцять, то і тоді б не закупив усієї ярмарки.

Из малороссийской комедии

Вам, верно, случалось слышать где-то валящийся отдалённый водопад, когда встревоженная окрестность полна гула и хаос чудных неясных звуков вихрем носится перед вами. Не правда ли, не те ли самые чувства мгновенно обхватят вас в вихре сельской ярмарки, когда весь народ срастается в одно огромное чудовище и шевелится всем своим тулowiщем на площади и по тесным улицам, кричит, гогочет, гремит? Шум, брань, мычание, блеяние, рёв – всё сливается в один нестройный говор. Волы, мешки, сено, цыганы, горшки, бабы, пряники, шапки – всё ярко, пёстро, нестроично; мечется кучами и снуётся перед глазами. Разноголосные речи потопляют друг друга, и ни одно слово не выхватится, не спасётся от этого потопа; ни один крик не выговорится ясно.

Только хлопанье по рукам торгашей слышится со всех сторон ярмарки. Ломается воз, звенит железо, гремят сбрасываемые на землю доски, и закружившаяся голова недоумевает, куда обратиться. Приезжий мужик наш с чернобровою дочкой давно уже толкался в народе. Подходил к одному возу, щупал другой, применивался к ценам; а между тем мысли его ворочались безостановочно около десяти мешков пшеницы и старой кобылы, привезённых им на продажу. По лицу его дочки заметно было, что ей не слишком приятно теряться около возов с мукою и пшеницею. Ей бы хотелось туда, где под полотняными ятками нарядно развешаны красные ленты, серьги, оловянные, медные кресты и дукаты. Но и тут, однако ж, она находила себе много предметов для наблюдения: её смешило до крайности, как цыган и мужик били один другого по рукам, вскрикивая сами от боли; как пьяный жид давал бабе киселя, как поссорившиеся перекупки перекидывались бранью и раками; как москаль, поглаживая одною рукою свою козлиную бороду, другою... Но вот почувствовала она, кто-то дёрнул её за шитый рукав сорочки. Оглянулась — и парубок, в белой свитке, с яркими очами, стоял перед нею. Жилки её вздрогнули, и сердце забилось так, как ещё никогда, ни при какой радости, ни при каком горе: и чудно, и любо ей показалось, и сама не могла растолковать, что делалось с нею.

— Не бойся, серденько, не бойся! — говорил он ей вполголоса, взявши её руку. — Я ничего не скажу тебе худого!

«Может быть, это и правда, что ты ничего не скажешь худого, — подумала про себя красавица, — только мне чудно... верно, это лукавый! Сама, кажется, знаешь, что не годится так... а силы недостаёт взять от него руку».

Мужик оглянулся и хотел что-то промолвить дочери, но в стороне послышалось слово: пшеница. Это магическое слово заставило его в ту же минуту присоединиться к двум громко разговаривавшим негоциантам, и приковавшегося к ним внимания уже ничто не в состоянии было развлечь. Вот что говорили негоцианты о пшенице.